ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАРТЕ 1957 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

В НОМЕРЕ:

май
июнь
1997 * 3

НАУКА
МОСКВА

"НУ, ПОЛНО МНЕ ЗАГАДЫВАТЬ О ХОДЕ ИСТОРИИ..."*

"Дневник матери хозяйки в годы революции в России в 1917–1921 гг.", написанный Эмилией Осиповной Бруцкус (1873–1952), женой крупнейшего экономиста XX в. и историка народного хозяйства России Бориса Давидовича Бруцкуса (1874–1938), считался безвозвратно утерянным при высылке семьи Бруцкусов в 1922 г. Он был обнаружен в фонде Русского заграничного исторического архива (РЗИА), хранящегося в ГА РФ (ф. 5881, оп. 2, д. 769–771). Позднее дневник был частично опубликован в журнале "Отечественные архивы" (1997. № 1).

РЗИА был создан в 1923 г. при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики усилиями русских эмигрантов-энтузиастов. В состав Совета председателей вошли известные историки и архивисты: А.А. Кизеветтер, Н.Н. Астров, В.Л. Бурцев, В.А. Мякотин, С.И. Постников, А.Ф. Изюмов и др. Специальные уполномоченные разыскивали и собирали материалы по всем странам руского рассеяния. К 1930 г. было собрано уже 454 890 листов хранения, а к 1936 г. архив имел 50 оригинальных дневников и рукописей, относящихся ко времени войны и революции. Вскоре Русский архив заполнил 20 комнат Тосканского дворца на Градчанах в Праге.

Э.О. Бруцкус откликнулась на гражданский призыв в числе первых. Ее рукой тщательно переписаны и пронумерованы дневниковые записи с 23 февраля 1917 г. по 10 сентября 1921 г. Они составили три толстых тетради (108 листов).

Перед нами – история повседневности, история человека в его времени: мешочничество, облавы, террор, болезни, смерти – вот темы дневника. В нем месяц за месяцем, год за годом описана "серая, архибудничная жизнь, где хлеб, крупа и бревно составляют весь горизонт", где "порываются последние связи культурной жизни, люди редко видятся и все уходят в свои "берлоги" сосать несчастный свой паек".

Борьба за повседневное выживание в обстановке голода и холода – главные мотивы и других дневников и воспоминаний, написанных в это время. Об этом – "Петербургские дневники" З.Н. Гиппиус[1], дневники московского ученого В.И. Вернадского[2]. Их объединяет ощущение крушения прежнего мира, тотального разлома жизни. 21 ноября 1918 г. Ю.В. Готье записывает: "...пришел в ужас от вида Никольской и Ильинки – все закрыто, люди еще ходят, не то чума, не то большой праздник; кое-где сбивают вывески, напоминающие о господстве буржуев в торговле и промышленности"[3]. "Несчастные наши вымирающие города. Они стали жертвой фанатической теории" – записала в своем дневнике Э.О. Бруцкус.

Действительно, по данным П.А. Сорокина население обеих столиц сократилось с 4,3 млн. в начале 1917 г. до 1,86 млн. к июлю 1920 г. Об этом времени он вскоре напишет: "За каждую лишнюю неделю, месяц ошибочной экономической политики сейчас приходится расплачиваться вымиранием тысяч людей не в переносном, а в буквальном смысле"[4].

25 сентября 1919 г. Эмилия Осиповна записала: "Признаюсь, что голод – такой страшный фактор, что по временам я серьезно хотела бы победы красным". Примерно в это же время В.И. Вернадский пишет: "Мне иногда кажется, что если бы большевики заявили, что они прекращают террор и чрезвычайки, население было бы с ними в широких кругах"[5].

"Ну, полно, мне загадывать о ходе истории. Я прежде всего мать, у которой дети больны. Мне не до революции", – как бы спохватывается хозяйка семьи из пяти человек, мать трех несовершеннолетних сыновей, зубной врач по профессии. Но "ума холодные наблюдения и

---

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 960100333).

сердца горестные заметы" постоянно пробиваются на страницы дневника. "Баловников советской власти узнаешь издали по хорошей обуви. Обыватель ходит по мокрому снегу в самодельных туфлях и дырявой обуви". Вот еще запись от 20 января 1919 г.: "Присматриваясь к населению столицы, видишь, с одной стороны, целый слой подонков общества, муть, выброшенную наверх, которой легко живется, – это охотники до чужого добра, с другой стороны – всю толщу населения, работающего, полуголодного, несчастного, отказывающего себе поневоле в насущных потребностях и живущего всё надеждой на лучшее будущее. Без этой надежды, кажется, жизнь была бы невмоготу!"

Э.О. Бруцкус задается неудобными вопросами, теми, от которых до сих пор бежит наша интеллигенция, – о народном менталитете, о массовой неприязни российского обывателя к тем, кто "чисто одет" ("в шляпке"), кто занят "легким" умственным трудом... Симптоматичны ее рассуждения о крестьянах, которым не приходит в голову взять "на прокорм", например, голодающих студентов в обмен на обучение грамоте их детишек. Нет, их интерес к шерстяным платкам и шелковым чулкам горожанок сильнее.

В то время, когда Б.Д. Бруцкус и его колеги экономисты-аграрники Л.Н. Литошенко, С.Н. Прокопович, П.Б. Струве – обосновывают "характер натурально-хозяйственной реакции, идущей от малой культурности широких слоев"[6], мать-хозяйка сталкивается с его проявлениями и последствиями ежедневно.

Причудливо все-таки устроена человеческая память. Эмилия Осиповна подробно описала в своем дневнике состав академического пайка, назначенного в 1919 г., когда "хозяин" Петрограда Г.Е. Зиновьев цинично обронил: "Чтобы запах съестного не забывали". Средний сын Бруцкусов, Леонид-Элизер (1907–1987), в написанной им совместно с матерью позже, уже в Иерусалиме, биографии отца, вспомнил, как на всю семью выдали академический паек – 7 свиных ушей; как давали 1 фунт (400 л) хлеба и отец делил его на шесть частей – каждому по кусочку[7].

Здесь уместно привести выдержку из одного любопытного документа, недавно ставшего достоянием гласности, – доклада Комиссии ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК о кремлевских привилегиях: "...О продовольствии. Что же касается индивидуальных выдач ответственным работникам, то комиссия полагает необходимым установить единообразную твердую норму, чтобы не получилось такого положения, когда некоторые товарищи получают по нескольку раз в месяц"[8].

Младший сын Бруцкусов, Давид-Анатоль, вспоминал, как в самый голодный год отец купил фортепьяно и научился на нем играть. "Сперва играл медленно, а потом быстрее..."[9]. Кто-то, кажется, Михаил Светлов, однажды заметил, что творческий человек легче обходится без необходимого, чем без лишнего. Эмилия Осиповна в составленной ей биографии мужа точно охарактеризовала жизнь российского ученого той страшной советской поры, сказав, что она была "тяжелой внешне"[10].

Мобилизованный "по сельскому хозяйству" профессор Петербургского сельскохозяйственного института Б.Д. Бруцкус читал красноармейцам популярные лекции практического характера, ночевал в казармах, висел на подножках товарных поездов, разгружал тяжелые бревна (все это ради своей семьи), размышляя при 3–4 градусах тепла в квартире по 10–12 часов в день в шубе и перчатках над фундаментальными теоретическими проблемами русского социализма[11].

В далеком 1920 году жена его описала, *как* дорого обходится жителям Советской России отсутствие торговли и правильного денежного хозяйства, а муж объяснил всему миру, *почему и каким образом* это произошло.

Это страшное время дает специалисту богатый материал для новых размышлений и обобщений. В отличие от других исследователей социализма – М. Вебера, Л. Мизеса, Ф. Хайека[12] – он получает опыт "включенного наблюдения" социализма "изнутри". В своем ныне признанном у нас шедевре "Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта" Бруцкус писал о том, что «цель политики советского правительства была не только в приспособлении экономической жизни к нуждам войны, но также в том, чтобы сделать военную экономику логической системой "натурального" социализма»[13].

Б.Д. Бруцкус убедительно доказывал, что новый (социалистический) строй не располагает внутренним механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, а атрофия хозяйственного расчета сопутствует разрастанию социалистического хозяйства в ущерб частному и сопровождается отмиранием рынка и денежной системы[14].

Принцип социализма не есть творческий, он ведет экономическую жизнь не к расцвету, а к разложению, так как нарушается основной хозяйственный принцип соответствия затрат и результатов. Но самая слабая сторона социалистического хозяйства, по его мнению, заключается в стремлении централизовать все распределительные функции, а авторитарное распределение хозяйственных благ неизбежно ведет к бюрократизации и принудительному труду.

Сам автор так описывает историю появления "этой единственной печатной критики социализма, которая могла появиться под эгидой социалистической власти: «Был сырой, дождливый вечер в конце августа 1920 г., когда я в собрании изможденных и истомленных петроградских ученых выступил с докладом "Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе" – под этим названием я скрыл свою теоретическию критику системы научного социализма... Два с половиной часа меня слушали с напряженным вниманием петроградские ученые, и из завязавшейся после моего доклада беседы я вынес впечатление, что мне удалось связать в систему те идеи, которые бродили в умах многих как осадок страшного опыта минувших лет. Мой доклад возбудил внимание. Мне пришлось его повторять в закрытых собраниях шесть раз в Петрограде и один раз в Москве... Предусмотренное мной крушение русского социализма скоро наступило. Он пошел в отступление, начался нэп...»[15].

Новая экономическая политика представлялась Б.Д. Бруцкусу закономерным отходом от социализма, желанным возвращением к здравому смыслу, к "нормальности", к капитализму. Ему казалось, что государство нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учете отдельных предприятий, построенной на директивах, исходящих от рынка.

Ученый был полон сил и надежд, выступал с докладами и статьями, где указывал на возможные пути восстановления народного хозяйства. "Не надо соблазняться новыми проектами о лучшем распределении. Теперь впереди стоят вопросы производства... иначе... будут уравнительно умирать миллионы людей с голоду", – писал Бруцкус. Выступая на 3-м Агрономическом съезде в феврале-марте 1922 г. он прямо обвинил большевистскую власть в организации голодной катастрофы и призвал ни в коем случае не допустить ее повторения[16].

Исследователю не простили ни публичной правды о голоде, ни закованного "в лучшие формулы протеста против эксперимента, произведенного над живым телом многомиллионного народа". 17 августа 1922 г. член редколлегии журнала "Экономист" Б.Д. Бруцкус был арестован и водворен на Гороховую, а в ноябре вместе со всей семьей выслан из Советской России. Все это происходило с такой поспешностью, что ГПУ даже не успело завести на ученого уголовного дела[17].

Так "крепостники" и "растлители молодежи" (В.И. Ленин) стали пассажирами "философского" (в нашем случае "экономического") парохода. Кроме Б.Д. Бруцкуса ими оказались С.Н. Прокопович, С.Н. Булгаков, А. Изгоев (А.С. Ланде), В.А. Розенберг, А.И. Угримов и многие другие, чьи судьбы пока неизвестны[18].

Семья Бруцкусов поселилась в Берлине, где глава семьи становится профессором Русского научного института. Заработок в институте был невысоким и, как вспоминал младший сын Бориса Давидовича, они по всем странам Европы рассылали статьи, которые он под диктовку отца перепечатывал на машинке[19]. Отец стал признанным экспертом европейского масштаба по аграрным проблемам, планированию и народному хозяйству России. За 16 лет – от переезда в Берлин до смерти – он опубликовал около 300 работ (книг, статей, заметок, рецензий) на многих языках, в том числе и на японском[20].

Б.Д. Бруцкус активно участвовал и в общественной жизни русской эмиграции. Ему принадлежал ряд правозащитных инициатив в поддержку российской интеллигенции и крестьянства, ставших жертвами советского геноцида в ходе "великого перелома" 1930-х гг., а также гражданские акции в защиту евреев в России и Европе[21].

Подрастали сыновья. Старший Михаил (1903–1949) пошел по стопам отца, изучая экономику, политику и философию[22]; средний – Леонид – и младший Давид становятся архитекторами-строителями. Мать и хозяйка Эмилия Осиповна продолжала поддерживать семью, работая по специальности – зубным врачом. В 1934 г. Русский научный институт закрывается из-за отсутствия средств. Бруцкусы стоят перед выбором: принять приглашение в Бирмингемский университет (об этом хлопочет ученик и коллега Бориса Давидовича, будущий Нобелевский лауреат Ф. Хайек) или перебраться в Иерусалим, на чем настаивали сыновья. Выбор делается в пользу Палестины. Бруцкусы поселились там

с апреля 1935 г., глава семьи возглавил кафедру экономики и сельскохозяйственной политики Иерусалимского университета. Он умер в декабре 1938 г. от быстротечной болезни.

Жив и здравствует Давид-Анатоль (род. в 1910 г.). У Бориса Давидовича и Эмилии Осиповны остались внуки и правнуки. Жизнь продолжается.

Н.Л. Рогалина (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова),
В.Л. Телицын (Институт росийской истории РАН)

Примечания

[1] См.: Г и п п и у с З.Н. Петербургские дневники. Нью-Йорк, 1990.

[2] См.: В е р н а д с к и й В.И. Дневники. 1917–1921 гг. Киев, 1994.

[3] Г о т ь е Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 154.

[4] С о р о к и н П.А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 21.

[5] В е р н а д с к и й В.И. Указ. соч. С. 181.

[6] См.: Л и т о ш е н к о Л.Н. Кооперация, социализм и капитализм // Экономист. [Пг.]. 1922. № 2; П р о к о п о в и ч С.Н. Народное хозяйство в дни революции. Три речи. М., 1918; Е г о ж е. Война и народное хозяйство. М., 1918; С т р у в е П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Берлин, 1921.

[7] К а г а н В.К. Борис Бруцкус. Иерусалим, 1989. С. 19. (Шестым членом семьи Бруцкусов была няня детей – простая русская крестьянка Прасковья Иванова. Она перенесла с семьей все тяготы и умерла в Иерусалиме.)

[8] Неизвестная Россия. XX век. Т. 2. М., 1992. С. 270.

[9] К а г а н В.К. Указ. соч. С. 20.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 19.

[12] См.: W e b e r M. Wirtschaft und Geselschaft. Tübingen, 1956; М и з е с Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М., 1993; Х а й е к Ф. Дорога к рабству. L., 1983.

[13] Р о г а л и н а Н.Л. Борис Бруцкус: три опыта строительства большевистского социализма // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 123.

[14] Б р у к ц у с Б. Социалистическое хозяйство: Теоретические мысли по поводу русского опыта // Вопросы экономики. 1990. № 8. С. 138.

[15] Б р у ц к у с Б.Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 56–57.

[16] Известия. 1922. 4, 6, 7, 9 марта.

[17] Из записки В.И. Ленина к Ф.Э. Дзержинскому: «... Вот другое дело питерский журнал "Экономист", изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогравдейцев. В № 3 (только третьем !!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу». (См.: Л е н и н В.И. ПСС. Т. 54. С. 266.)

[18] См.: Л е в и н С.И. Беседа с В.А. Мякотиным // Руль [Берлин]. 1927. 1 октября; Приезд высланных из Советской России // Руль. 1927. 21 октября; Г е л л е р М. "Первое предостережение – удар хлыстом" (К истории высылки из Советской России деятелей культуры в 1922 г.) // Вестник РХД. [Париж – Нью-Йорк – Москва]. 1978. № 127; Х о р у ж и й С. Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая, 6 июня; К о л о д н ы й Л. Изгнание философов // Московский комсомолец. 1990. 12, 13 июня; Ш а ц и л л о Л. "Это была странная мера..." // Российские вести. 1991. 2 февраля; Т о п о л я н с к и й В. "На каждого интеллигента должно быть дело" // Литературная газета. 1993. 11 августа и др.

[19] К а г а н В.К. Указ. соч. С. 25.

[20] Полная библиография Б.Д. Бруцкуса до сих пор не составлена.

[21] См.: Ш т у р м а н Д. "Они – ведали" // Журнал "22" [Иерусалим]. 1990. № 7.; К а г а н В. Запад и права человека // Континент [Париж]. 1990. № 62.

[22] См., например, его интереснейшую работу "Философия и программа Гитлера" //Новоселье [Нью-Йорк]. 1944. № 11).

Из "Дневника матери-хозяйки в годы революции в России"

1917 год

22 февраля

В городе неспокойно. Начались забастовки. Вечером трамваи перестали курсировать, вагоны небывалым до сего времени способом опрокидывались на рельсы, вроде баррикад. Зловещее предзнаменование для сильных мира сего... Мне не верится, что начнется революция. Несовместимо с мировой войной... Ну, полно, мне загадывать о ходе истории... Я сильно взволнована. У детей вечером поднялась температура. Чем это они прихворнули? Бог знает, а тут пойдет неурядица.

27 февраля

Беспрестанные звонки по телефону. Мои родственницы и знакомые дамы изливают мне свои мечты и вожделения. Революция началась... Какое счастье! Наконец рухнет проклятое самодержавие. Солдаты вышли на улицу, офицеры прячутся по домам. Как неожиданно все это... и, по-видимому, живо пойдет... Все с ума сходят от радости! Уныло и грустно выслушивала я эти восторги... Для меня это было страшно. Ягодки впереди...думала я... У меня дети при 40 градусах температуры, а врача нельзя достать. Или нет дома, или не на чем ему приехать. Трамваи не ходят, ни извозчиков, ни автомобилей. Мне не до революции... я прежде всего мать, у которой дети больны... Революция в России, мне кажется, будет что-то уже очень длительная, невиданная в мире неурядица.

29 февраля

Свершилось... Нити порваны. Будничная жизнь, видно, с первых дней выходит из своего русла. В наш дом прибежали городовые, переоделись и спрятались у родных. Солдаты на улице едко и насмешливо про начальство толкуют. Лавки то закрыты, то на часок открываются. Боятся, по-видимому, грабежей. (У нас привыкли думать, что солдат наш и грабитель близки друг другу.) Вот группа солдат ворвалась в молочную и распродала все масло по 3 руб. за фунт – вдвое дешевле рыночной цены – вырученные деньги же лавочнику вернула. Пускай кушают подешевле, а деньги нам нужны. Вот совсем по-благородному...

25 марта

⟨...⟩ Продукты неимоверно дорожают. За хлебом простаиваешь часами. Какой-то хаос... С начала войны мы привыкли к росту цен, но такого дикого скачка, как сейчас, давно не было. Ощущается явный недостаток хлеба, белые булочки же чернеют и худеют с каждым днем. С сахаром совсем беда. Все в поисках сахара. Развился какой-то сахарный ажиотаж. Знакомые при встрече вместо приветствия спрашивают друг друга: "Запаслись ли сахаром?" ⟨...⟩ На дачах, говорят, очень трудно с молоком. Крестьяне себе ничего не жалеют. Надеются, видимо, на обещанные прирезки земли – на ближайшее обогащение и пока что не везут молока, сами выпивают. Я решила уехать на дачу в Крым, чтобы хорошо подкормить детишек – здесь не подкормишь.

10 апреля

Занята погоней за продуктами. Простаиваю в очередях. Прислугами трудно выручиться... они часто, простояв в хвостах два часа, не могут понять, что сегодня цены опередили вчерашние и не решаются покупать. Хлеб выдают по карточкам. По-моему, очень много. По 1 ф[унту] в день. Мы до сих пор съедали всего 3 фунта – всей семьей. Правда, что мы кушаем все другие яства. Теперь ясно, что у бедных людей хлеб стоит в центре их питания. Простой народ ворчит, что хлеба мало. Ну, славу Богу, не приходится вставать в 2 часа ночи простаивать до 10 час. утра; по карточкам выпечка хлеба наладилась. Теряешь меньше времени. Ах, Боже мой, из-за этих семейно-хозяйственных забот и не замечаешь, что на наших глазах творится история. (Кадетское правительство сменилось коалиционным.) Временное правительство у власти. Как мне странно, что хорошо знакомые мне фамилии близки к властям.

7 мая

Двое суток мы в вагоне. Едем купе 1 класса. В первый день мне казалось, что едем совсем по-военному. Но ночью в мое купе вошло два человека. "Здесь места нет, у меня плацкарты", – сказала я. "Ваши плацкарты немцы выдумали. Больше по-ихнему не будет! Теперь всем свобода. Нечего вам, буржуям, тут разлеживаться, нам тоже место надо". Я вздумала было возражать, но, окинув их взором, решила место уступить. На остановке из соседнего вагона прибежала взволнованная дама: у нас утащили ценный чемодан. Свободолюбивые граждане, оказывается, ехали свободно – без билетов. ⟨...⟩ Поезд шел с большими остановками, иногда часами простаивал на станциях. На вопрос пассажиров, почему это так, отвечали коротко: "Время-то военное". В Германии во время войны на вопрос: когда уходит поезд? отвечали с точностью секунд. Почему такая необыкновенная точность – недоумевали пассажиры. "Kriegzeit"[1] – гласил ответ. По-видимому, одна причина, а последствия разные. Чем дальше на юг – буфеты становятся богаче яствами и дешевле. Петроградцы шумно высыпали на перрон и набрасывались на буфеты. Местная публика с едкой насмешкой нас встречала: "Вот какие голодные. Что же вы там одними карточками питаетесь... Небось не сытно! Мы же с жадностью саранчи уписывали все бутерброды и фрукты".

11 мая

Наконец мы вчера с утра приехали к месту назначения – в Евпаторию. Здесь раздолье, да прямо чудеса на земле! Без очереди и без карточек в булочных получаешь хлеба, сколько душе вздумается. Все дешево, кормимся по мирному времени! Единственно, что неприятно поражает, это недоброжелательное отношение к столичной публике местного населения.

18 мая

Первое "хозяйственное" огорчение... Вздорожала мука – за мешок 4 пуд. вместо 23 – 75 руб. за одну неделю; хлеб с 9 к[опеек] – 22 к[опеек]. Для начала это недурно. Внушает большие опасения. Но, говорят, что это случайность, вызванная приезжими столичными дамами, делающими запасы. Озлобление в местном населении растет. Здесь какой-то особенный "patriotisme du Carton"[2] – евпаториец хорошо относится только к своему сородичу, приезжих в этом году они не любят. Часто слышны нарекания на голодных столичных жителей, но на здешнюю мерку располагающих большими деньгами. Бывают неприятные инциденты. "Буржуи наехали, мы вам покажем".

27 мая

От слов перешли к делу... На улицах собирается толпа, галдит, угрожает, делает поползновения грабить съестные лавки. Власти не прекословят. По-видимому, сочувствуют общей неприязни к приезжим. Вот и городская Дума стала выдавать карточки на сахар только местным. Сидим без сахару. Много фруктов – беда еще невелика!

29 мая

Сегодня вечерком толпа, состоящая больше всего из женщин, возглавленная несколькими хулиганами, стала ходить по дачам и пансионам с обыском. Ищут запасов муки и тканей, которые тоже скупаются. Муку отнимают; при обысках стали присутствовать и полицейские... Как будто дан законный ход. К сожалению, я тоже не без греха – у меня припасен мешок муки. Очень жаль его потерять; хотелось бы его переслать в Петроград, там форменный голод. Просто два-три дня не бывает выпечки хлеба, муки нельзя достать.

20 июня

Из Петрограда получаются невеселые письма. Город убывает... голод прибывает. Власти затеяли новое наступление. Совет рабочих депутатов одобрил наступление. Надежды много, но если они рухнут, видно, на сцену выступят другие элементы. Даже здесь в Евпатории чувствуется, что бурлит пока в скрытой форме недовольство... Но достаточно

---

[1] Военное время (*нем.*).

[2] Картонный патриотизм (*фр.*).

малейшего промаха – оно вырвется наружу. Все, что чисто одеты, – все буржуи. Врач, инженер – все имеют общую кличку с банкирами, фабрикантами, крупными капиталистами. Невзначай толкнешь в трамвае соседа, победнее одетого: "Чего толкаешься, вздумал, что для тебя одного только место, здесь все ровня, а ты поезжай автомобилем. Буржуям всюду места мало: "Да, помилуйте, я и не толкаюсь и я не буржуйка". "Да раз в шляпке, то и буржуйка, мы шляпок не носим". Подобного рода разговоры, кажется, незначительны, но в них чувствуется глубокая неприязнь. При каждом вздорожании цен неприязнь углубляется... Цены на все продукты быстро дорожают, в особенности на мучные и жиры. Замечается отсутствие у нас всякой организованности, организованность в способе повышения цен: сегодня нет на рынке яиц – они, по-видимому, спрятаны; завтра появляются всюду, но цена их вдвое против прежнего. Но, в общем, если не говорить о постоянной тревоге за сохранность наших запасов муки – жизнь у нас течет мирно, несмотря на грозные исторические события.

25 июня

Интеллигенция наша воспрянула духом. Ведь Временное правительство – интеллигентское. Оно уничтожило даже смертную казнь. Удачи в Галиции наполняют сердца надеждой на быстрое окончание войны. Раз война удачно кончится – все пойдет к лучшему. Как это странно, Россия, кормившая своим хлебом Европу, не может накормить Петроград и Москву, и жители разбегаются, но это явление временное – скоро, вероятно, кончится. Из Петрограда все пишут о голоде. Мне советуют остаться здесь на зиму с детишками.

7 июля

В Петрограде выступление большевиков явилось почти неожиданностью; одновременно, как будто неудачи на фронте... Возрастает паника и растет голод. Со всех сторон нарождаются трудности.

25 июля

После взятия немцами Риги положение Петрограда становится более угрожающим. Среди трех угрожающих напастей – присущего наличного голода, возможного взятия Петрограда немцами и угрозы со стороны большевиков. Из них страшнее всего, по-видимому, голод и дороговизна. Сегодня мне сообщили радостное известие – 50% прибавки жалованья. Шутка ли сказать. Но, раскинувши мыслями ... я решила – радости мало, ведь при дороговизне предметов первой необходимости в 5–10 раз – это все-таки еще убавка. Деньги новые появились – керенки называются, 20 и 40 руб. достоинства – крошечные бумажки – весу в них мало. Около 2 р[уб.] – фунт мяса, 4 руб. – десяток яиц, на керенку много не купишь.

6 октября

Мы едем уже третий день. Имеем плацкарты 2-го класса. Но порядка никакого нет. Никто с номерованными местами не считается. Кто место захватил, тот и господин. На промежуточной станции шумно вваливаются в вагон несколько солдат. Их взволнованные лица не свидетельствуют о довольстве. "Да чего они затевают? Войну прикончить надо, работать, пахать-то некому. Скорей бы земли, как следует, прирезали пошло бы дело подругому. А что же воевать-то без конца. Вот и царя нет, да вот и Керенский не лучше. И при нем воюют". "В этом и вся суть, – вмешивается сидящий рядом рабочий, видно, человек бывалый, – что настоящей-то руки нет, вот бы нашему брату силу дали и войну бы прикончили и поделили бы все, как следует быть". Вошедший контролер спрашивает у меня билеты. Увидев, что еду в Петроград, его добродушное лицо насупилось и с прямолинейностью простого русского человека тут же выпалил: "Ума то ли у Вас, барышня, хватает, детишек-то в Петроград вести; во всем поезде Вы одна с детьми-то едите. Ведь там такой голод, что не выжить-то им там". Мне страшновато стало, пророчество не из милых. На следующей станции получили свежие газеты. Вести тревожные... Немцы угрожают Петрограду. Вхожу в соседнее купе: бывший генерал (не успел снять эполетов), пожилой бюрократ и помещик и жена его сетуют над судьбой Петрограда. «Да, понятно, немцы возьмут. Вот солдаты наши только и братаются в окопах. Это к добру не поведет. Разве нечто подобное мыслимо ли было при царе? Нет дисциплины, мягкотелость какая-то. Да смотрите, от какой новой партии "Заявление", в газете подписанное Троцким и друг[ими]. Большевиками партию зовут. Говорят, это самые поганые и есть. Что и говорить.

Хорошего нам больше не видать...» Я прислушиваюсь к этим разговорам, а на душе кошки скребут. А вправду ли не прокормить детей? Мои грустные размышления прервались окликом моего соседа инженера: "Нет, спасибо, пока будет в России демократическая республика, я по России путешествовать не буду. Смотрите, здесь стояла шляпная коробка, кто-то сдернул крышку – и вот, смотрите, в ней все: окурки, шелуха от яиц, гнилой огурец и вся шляпа в плевках. Черт знает, что такое. Хлев какой-то, а не второй класс".

7 октября

Поезд приближается к Петрограду. Все волнуются. Доедем ли мы? Авось, Петроград уже в бегах. Я уверена, что вдоль шпал увидим петроградцев. Но к моему удивлению, поезда идут правильно и никого не видать. Наконец после 5-дневного путешествия я увидела мой желанный город. Поезд пришел с опозданием, никто нас не ждал. Я сгораю от нетерпения узнать, каково житье в Петрограде. На вокзале меня поразила новость: много людей с тачками, тяжелыми, неуклюжими, предлагают свои услуги для перевозки вещей... У нас вещей много, беру ландо (господа, видно, уехали). "Почему же это вещи стали возить тачками?" – спросила я извозчика. Да, понятное дело, почему. Лошадей-то не стало. Прокормить лошадь не так-то легко, дороже человека. Овса нет, скотинку и жалеют, кто ближний и в деревню отправит, а дальний и зарезать даст, лишь бы не мучилась. Ведь жизнь здесь ужасная пошла. Не то, что раньше, золото на панели валялось. Не ленись, нагнись, всего вдоволь имеешь. Теперь дело пошло по-другому. Работай с утра до вечера и сытно не поешь. Ведь хлеб-то выдают – раньше, пожалуй, скотине такого не дашь. А Вы-то с детьми приехали? Детей все больше увозят отсюда. Вскоре я узнала, что не только жить голодно, но и очень неспокойно. Не так серьезны угрозы немцев, как повторное наступление большевиков, гражданская война и голод, без конца голод. Мой муж, никогда не интересовавшийся никакими хозяйственными вещами, несказанно обрадовался моим привезенным запасам муки. Не так страшно! Несколько пудов муки – это нечто!

9 октября

Сегодня вышла погулять по Петрограду. Через полгода на себя стал не похож. Сразу, видно, сняты сливки: нет ни блеска, ни лоску; не видать выездов, элегантно одетых людей. Все посерело, озабочено, лица вытянулись; в особенности поражают лица простых женщин; им всем, видно, некогда одеться, причесаться и забота, забота на их лицах. Улицы пустоваты, но в некоторых местах бесконечные хвосты серых, грустных людей. Это – хвосты у съестных лавок и булочных. Их количество из-за недостатка продуктов уменьшилось, у оставшихся – пропасть народу. Вспоминаю слова французского историка: "О закрытые двери булочных разбиваются правительства". Как бы и здесь этого не было... Оживление то же на местах остановок трамвайных. Трамваи – это осаждаемая крепость; ее берут штурмом. На решетках, ступеньках висит народ, часто сваливаются, страшно даже смотреть.

17 октября

На фронте неудачи – солдаты возвращаются en masse в Петроград; настроение повышенное. Мне как-то страшновато. Наша квартира – во втором этаже. Во время народных волнений всегда приятнее жить этажом повыше. Придется мне заняться поисками квартиры. Теперь это легче. Перенаселенный в первые годы войны Петроград, видно, освобождается от излишнего населения.

26 октября

Какая ужасная ночь. Сидишь как будто в мирной обстановке в своей квартире за чайным столом или работаешь. На дворе осенняя слякоть и серое темное небо озаряется внезапно... и содрогаются стены дома. Это пушечные выстрелы. Тут же в 20 минутах берут Зимний дворец. Слышна пальба и решается судьба не только города, но и всей страны. Ждали нашествия врага – врагами стали брат брату...

29 октября

Большевики взяли город. Временное правительство уничтожено. Неужели настанет диктатура пролетариата? И нашего пролетариата! Ведь наш народ что медведь. Очнется после трехсотлетней спячки в берлоге, расправит свои члены и так разойдется, что и все сучья переломает, камня на камне не оставит! Жизнь дотла разрушит. Ну, вот, и разболталась. Дел у меня сегодня по горло... Завтра переезд на новую квартиру.

31 октября

Наконец-то мы переехали. Дело трудное по нынешним временам. Вот все и голодны, и как неохотно работают и за большие деньги. Да и тон у рабочих другой пошел. "Вот сколько-то у Вас мебели, пять возов; чего бы с бедным человеком не поделиться", – сказал мне возчик. Да книг-то сколько. Тащи не перетаскаешь. Да за всю жизнь не прочтешь их. И к чему это? Разве дело за книгами сидеть? По-настоящему работать надо, а не за книгами сидеть. Да теперь и министры из простых, неученых будут, вот и книги не нужны.

25 ноября

Жизнь становится оч[ень] тяжелой. Хлеба выдают очень мало и обещают выдавать еще меньше. Все другие продукты так же дорожают. Не знаешь, право, как кормить нашу семью. Вот сегодня выдали хлеба 2 $^5/_8$ ф[унта] на 7 челов[ек], т.е. по $^3/_8$ фунта. Утром за чаем мы съедаем весь наш хлеб. К обеду я купила 3 ф[унта] телятины и немного моркови. Этот обед без хлеба и картофеля мне обошелся [в] 17 р. 25 к. Мы остались совершенно голодны, мои дневные расходы по нашему бюджету, кроме квартиры, не должны превышать 15 руб. в день, между тем они значительно превышают, и дети, стуча по тарелкам телячьими ребрами, говорят: как бы хорошо поесть чего-нибудь... Между тем один обед превысил все расходы. Притом завтра будет все еще дороже. Хлеба совершенно нельзя достать, разве только через связи и по протекции к уполномоченному или заведующему кооперативом. Вот и приходится сидеть без хлеба. Запасы белой муки у нас быстро израсходовались и осталось очень немного. Боюсь израсходовать все, пожалуй, еще хуже будет. С утра думаешь, как бы что-нибудь из продуктов подешевле захватить, и в конце концов живем почти что впроголодь.

20 декабря

Голодают и все наши знакомые! Была сегодня в знакомой семье известного профессора, которого труды переведены и на европ[ейские] языки. Присутствовала у них на обеде. За столом – 6 человек, подается постный картофельный суп – по тарелке неполной и рисовый пудинг – не больше столовой ложки на каждого, хлеба за столом нет – весь за утренним чаем съеден. Прямо непонятно, зачем садятся люди за стол – разве что [для] возбуждения аппетита? Он человек больной, нервный; она жалуется на головокружения. Просто не на что купить... У них, правда, есть деньги в банке, но их не выдают, т.е., собственно, выдают по незначительной сумме, притом надо взять свидетельство в домовом комитете, что они вам необходимы, ясно обозначить для чего, засвидетельствовать во всяких учреждениях и комитетах, словом, когда их получаешь, они уже теряют почти всю свою покупательную способность. Так что не стоит возиться и хлопотать о них. У моих родных сегодня пили чай и [ели] зеленый горошек в консервах; хлеба нет, а картофель так дорог, что больше разу в день тоже не поешь. Питаются хорошо те, у кого связи или родные в деревне им посылают оттуда, или тот, кто близок "к пирогу". Скоро станет еще хуже. "Не поработаешь – не поешь", – говорит демагог Володарский. Выходит обратное, поработаешь – тоже не поешь, поворуешь – тогда сыт и будешь. Хотят создать новую классовую карточную систему – подразделить на 4 класса. В последнем будут собственники-буржуи. "Им хлеб понюхать только дадим". И вправду, если на долю первой категории часто придется не больше $^1/_2$ ф[унта] – пожалуй, и понюхать не придется последней.

1918 год

12 января

⟨...⟩ Ведь у нас вся земля принадлежит крестьянину, но хлеб государству. Надо же государству кормить Красную армию, матросов – этих настоящих преторианцев, да и советским служащим дать понюхать надо. Притом в деревнях устраиваются комитеты бедноты – вот бедный, а чаще ленивый крестьянин и следит, чтобы богатый хлеба-то на сторону не продавал. И вот, если мимо зоркого глаза своего соседа проскользнешь, уж обязательно попадаешь в руки заградительного отряда, устраиваемого из тех же преторианцев и красноармейцев. Но если крестьянин, желающий что-нибудь продать в городе и эту опасность минует и, наконец, попадает в столицу, только тогда и держи ухо востро: ценой не угодишь красноармейской женке; неловко проскользнешь мимо железнодорожного служащего – непременно тебя потащат в комиссариат... а там уже по декрету тебя

обчистят, как липку: "по декрету, мол, нет свободного провоза больше 10 ф[унтов], значит, ослушался, отдавай все. И, продержав в комиссариате на пище св[ятого] Антония 2–3 дня, отпускают с разрешением выехать обратно в деревню. А там уже и весть разнесется по всей деревне и десятому скажешь, чтобы не ехал. Вот и неудивительно, что мешочник в городе, что белый ворон.

18 марта

Сегодня была в клинике. ⟨…⟩ Поговорила со старшей сестрой. Каково у вас в больнице? "Скверно. Врач, правда, хирург хороший; но что же делать, когда ничего нет. То бинтов не хватает, то лекарств мало, а хуже всего с медицинским персоналом. То и дело – собрание посиделок. Больных оставляют без присмотра, издеваются над врачами: "Дохтуров нам не надо – больные и сами поправятся и при дохтурах ведь помирают". Верно, подхватывает все собрание слова своей председательницы, и "кто нами распоряжаться будет, того вон, ихнее время прошло. Теперь, что дохтур, то и сиделка…"Как работать при таких условиях, ведь за всех дела не переделаешь? Вот и тут и там несчастие прямо из-за отсутствия ухода. О кормежке и говорить не приходится, не подкормят из дому – не от операции, а прямо с голоду помрешь". Не прибавил мне смелости этот рассказ сестры. Пожалуй, и живьем не выйдешь, да и мои домашние тоже больны, лето здесь не к добру. У мужа одышка при входе на лестницу, у детей бледные лица с синими мешками под глазами, в особенности у старшего сына обрисовываются все кости, как у скелета, нет нигде признака жировой ткани. Просто страшно за них.

25 марта

Вчера мы провели в близкой нам семье интересный вечер. Праздновалось рожденье – сейчас это редкость. Общество состояло из лиц, состоящих вне политики, но глубоко ею интересующейся. Но "clou"[3] вчера были не интересные разговоры, а большой сладкий белый крендель с изюмом. Его размеры по нынешним временам поражали. Выслушав его биографические данные и воздав ему должное, все говорили о продовольственном вопросе. Злоба не дня, а целых месяцев. Слова "хлеб", "продукты" чередуются в разговоре, как слово "пан" у поляков. Но мало-помалу разговор перешел на политические темы. "Россия катится в пропасть. Помилуйте, разве может страна существовать без банков, без товарообмена. Раз банки будут национализированы – страна будет без кредита". "Это еще не доказано, но и это все лишь революционные вспышки", – ответил профессору-пессимисту недавно вернувшийся эмигрант, поседевший за многие годы своего изгнания и полный радостных надежд на светлое будущее своей родины, не замечая настоящего. "Если сейчас Россия и свихнулась налево, ибо у Керенского только хорошо язык подвешен, но нет ни государственного ума, ни навыка к власти, то это не предвещает еще гибели страны. "Ну, оставьте Керенского в покое, – вставила одна из присутствующих дам, – мне лично жаль его, так быстро низвергнутый кумир. Вы, знаете, вчера в газеты даже попало, что жена его зарабатывает набивкой папирос. Ничего не поделаешь, теперь такая тяжелая жизнь". ⟨…⟩

20 мая

Сегодня уехали мои родные и семья бывшего премьер-министра[4] в деревню на дачу в Вологодскую губернию в Усть-Сысольский уезд. Я решила поездку отложить, пока от них не получатся точные сведения, каково там житье. По письмам и слухам там не жизнь, а прямо масленица. Хлеб 1 ф[унт] – 1р. 20 к., яйца – 3–4 р. десяток, а молоко – 40 коп. крынка. Это почти по мирному времени – 10 к. бутылка. Домик – 50 р. – 60 р. в месяц, нам хватит денег прожить там пару месяцев. Ужасно труден только выезд; надо получить разрешение на выезд, сдать свои продовольственные карточки, пройти через целый ряд совбар (советских барышень) – это новый тип чиновницы. Вообразите себе ряд столов, за каждым 15–17-летняя барышня, обязательно с накрашенными губами, с парикмахерской прической и со штемпелем в руках. Благо большое, если этот штемпель прикоснется немедленно к поданному вам документу, но если барышня или, вернее, "товарищ" завел разговор с другим товарищем или закурил папироску… Вы погибли – ждите без конца… Таких совбар множество во всяком учреждении; одна кладет штемпель, другая проверяет

---

[3] Гвоздь (*фр.*)

[4] Речь идет о Керенском.

или подписывает, все это надо молча выносить. Не смейте жаловаться, ведь это все советские служащие, а вы, похудевший гражданин, вероятно, саботируете и с такими презренными субъектами считаться нечего. Уехать это значит взять на себя колоссальный труд разрешения на выезд, т.е. на право не голодать. Это дается с большим трудом.

14 июня

Блаженный уголок нашелся. Вчера наш пароход причалил к Великому Устюгу. Издали красовались белые домики и зеленые купола церквей. Мы попали в базарный день. (...) Начиная от Устюга Великого – шаньги маслянистые – на любой остановке их можно вдоволь поесть. Но за Устюгом нас поразила на пристанях толпа крестьян, одних только мужчин с пустыми мешками; по расспросам оказалось, что они целыми деревнями направляются в Никольский уезд за хлебом. Все это выходцы за хлебом из Усть-Сысольского и отчасти из Яренского уездов. Мне что-то страшновато стало. Значит, наш рай земной не изобилует хлебом. Вот так так! Наша обетованная земля не прокармливает своего населения до нового урожая.

30 июня

Наше мирное житие, кажется, кончилось. Вчера в деревне был назначен сход. И оказалось, что предметом обсуждения служило здесь наше пребывание. Так как Архангельск занят белыми, а с нами взрослый мужчина и он не немец и не ссыльный, а дачников здесь никогда и отроду не бывало, и разве в страду может ли мужчина отдыхать, значит, дело неспроста! На сходе намекают, что он шпион. Все время идут слухи, что мы все поселились неспроста, что жена б[ывшего] премьер-министра, верно, состоит в переписке со своим мужем, который ведет на этот край англичан. Надо принять во внимание, что зырянский край не был в полосе исторических событий, он как-то вне истории, тем паче всякому нелепому слуху верят, и тем страшнее для нас. Но тут же на сходе оказался один из наших хозяев – наш доброжелатель, он уведомил нас и мы поспели еще на сход. Разговоры сразу перешли на "хлебную" тему. Вот чужие приехали, а в деревне самим хлеба не хватает. Тут же стало ясным, что все равно хозяин побогаче хлеба соседу не отдаст, так как тот норовит его у него взять даром и даже поленится пообещать возвращать его, а на стороне возьмет – или отработает, или отдаст. Но как бы то ни было, мы обещали хлеба здесь не покупать и ездить в соседний уезд за хлебом.

15 июля

Мой муж уехал с прислугой в Петроград. К отъезду я припасла ему около пуда муки и почти сотню яиц. Яйца откладывала ежедневно – лишь бы было что взять с собой. Сколько забот и тревог; но если довезут – он будет сыт целый месяц. Об этих запасах я даже скрываю от наших спутников, так как у нас не решено окончательно, пытаться ли вывести или нет. На пароходе осмотр ручных пакетов и багажа, а в дороге заградительные отряды вваливаются на пароход чуть ли не на каждой остановке. Это правильно! Что теперь дороже продуктов? Заградительные отряды добычей делятся. И вот полная тревог, скрытности, проводила сегодня на пароход. Сошло все благополучно; мука зашита в подушку, яйца сверху прикрыты юбками, жир в небольшом количестве положен в кувшин, сверху же налито холодное молоко. Одним словом, здесь прошло все благополучно, но далеко еще неизвестно, довезут ли это добро до Петрограда.

8 августа

Сегодня у нас с утра поднялся страшный переполох. Зазвенели бубенчики – большевики устьсысольские приехали. Подъехали к домику, занимаемому семьей бывшего премьер-министра. Обыск, расспросы о письмах, изъятие из домашнего обихода у этой семьи всей наличности табака и мыла, вежливо, даже с шутками и прибаутками, попросили присесть премьершу на их тройку и прокатили ее в устьсысольскую тюрьму. Нас пока не допускают; мы страшно обеспокоены. Видно, придется ехать.

14 августа

Мы наслаждаемся утром на пароходе после трех ночевок на пристани. Правда, мы были близки к природе, умывались прямо в реке и ветром, и солнцем нас обсушивало, но все-таки на теплом и уютном пароходе приятнее. Мы решили сохранять строгое инкогнито,

откуда мы едем. Разговоры об аресте семьи б[ывшего] премьер-министра заводились каким-то ехавшим важным большевиком. Бывший в детстве деревенским пастухом, бывалый петроградский рабочий, как видно, с недюжинными способностями как будто искренне рисовал картину детского благополучия во всей стране: "Мы покроем Советскую Россию сетью детских домов, приютов и школ: не будет ни одного голодного и неграмотного ребенка. Все мы сделаем для будущих граждан нашей счастливой страны". Блюда рыбные и мясные подавались ему одно за другим, и счастье и светлая сытная жизнь ему все ярче и ярче рисовались. Видно, комиссарские места сытно кормят и в голодное время. От него я узнала об открывавшихся в Петрограде общественных столовых и даже обрадовалась, что это, вероятно, облегчит тяжелое голодное время…⟨...⟩

17 августа

⟨...⟩ Одно счастье в Советской России, что среди множества декретов и самых нелепых приказов, никогда правая рука не знает, что делает левая, потому эти дикие приказы удается иногда миновать ⟨...⟩

5 сентября

Хлеба все равно не выдают. Нет доставки и все запасы вышли и вот 9 дней Петроград совершенно без хлеба. Мы питались привезенным. ⟨...⟩. Мои родные даже решают в ближайшее время покинуть Россию и уехать временно в Польшу. Там хлеба сколько угодно, вот стимул, который заставляет бросать свои насиженные места, друзей, свои удобные и хорошо обставленные квартиры. Квартир в Петрограде никто не снимает, все бегут, бросая все на произвол судьбы из-за этих нескольких фунтов хлеба. Одежда, обстановка – всему грош цена, в цене только продукты, а главное, хлеб, которого нет нигде. Вот скоро приближается годовщина октябрьского переворота. К этим торжественным дням приурочен особый благотворительный декрет для рабочих и красноармейцев: им разрешен будет свободный провоз 1 $^1/_2$ пуда продуктов. Все рабочие получают отпуска и валом повалят в деревню; нас, интеллигентов, обойдет, конечно, эта милость. ⟨...⟩ Продовольственный вопрос ⟨...⟩ давит весь город. Всюду по улицам стоят лица интеллигентных профессий или прежние буржуи и продают вещи: вот тут жена известного в городе хирурга продает пикейные одеяла, рядом жена академика – золотую цепочку. Нищета без прикрытия. Заработки ничтожны, а есть хочется.

3 октября

Я решила воспользоваться благодеянием, ниспосланным свыше. И вот живущую у нас издавна прислугу – теперь, конечно, "чернорабочую"[5], посылаю за мукой в Тверскую губернию к бывшей няне моих детей, которая поможет ей раздобыть в деревне этот клад. Раздобыв после ежедневных 8-часовых простаиваний в разных хвостах льготный проезд, снабдив ее тканями, солью и разным добром, я отправила ее десять дней тому назад за продуктами. Третьего дня утром она вернулась. Вид ее меня напугал: она даже постарела. Что с Вами случилось? Обступили мы ее со всех сторон. Но сразу поняли в чем дело. Она приехала без муки. Муку-то в деревне она приобрела; узнав, что в 5-ти верстах от деревни стоит заградительный отряд, она с няней лесом на спине пронесла эту ношу и там только села в ожидавшую ее телегу. Оставшиеся еще 12 верст и полпути по железной дороге до ст. Бологое сошло благополучно. Но здесь, в Бологое, заградительный отряд стал с рвением, достойным лучшего дела, проверять у всех документы и беспощадно конфисковать продукты. Нашу бедную "чернорабочую" постигла горькая участь – отобрали корзину с мукой и даже хлеб, взятый на дорогу, и тот был конфискован. Прерывая [рассказ] горькими рыданиями, она рассказывала о неистовствах заградительного отряда: старушка, променявшая последнюю юбку на хлеб, пала на колени перед властелинами и горячо молилась, дабы Бог помог ей получить ее добро обратно. "Вон, ступай прочь, церковница, вздумала на колени падать, все равно не отдадим", – закричал сытый матрос. ⟨...⟩ Со слезами одна за другой уезжали несчастные женщины, поверившие в благотворную силу декрета о свободном провозе 1 $^1/_2$ пуда хлеба.

---

[5] Прислуг нет в Советской России, они, исполняя свои прежние обязанности, фальшиво прописаны в качестве чернорабочих. – Прим. Э.О. Бруцкус.

5 октября

Оказывается, заградительный отряд требовал бумаги от комбеда[6], подтверждающие личность чернорабочей. Отметки в паспорте и льготного проезда, выданного на этом основании, недостаточно. На следующий день домкомбед выдал соответствующую бумагу и для пущей убедительности внес, что она обременена малолетними детьми. При благосклонном отношении жильцам комбед дает и неверные сведения, ибо знает, что быть правдивым и честным – значит погибнуть. Быть лояльным – значит питаться тем, что выдают по карточкам, ибо у мешочников покупать по декрету запрещено, провозить, как видите, тоже дозволяется только избранным, купить негде и строго возбраняется. Лояльные граждане умирают от питания по карточке. И сколько этих лояльных граждан ждет очереди быть похороненным. На кладбищах за хлебный паек в 2–3 ф[унта] хлеба в день вызывается рота красноармейцев, хоронящих лояльных граждан, трупы которых без гробов закапываются на небольшой глубине, после того как пролежали несколько недель, дожидаясь последнего благодеяния властей быть похороненными на началах коммунизма.

7 октября

Сегодня уходит эшелон в Польшу. Уезжают по 24–30 чел. в теплушке, тут же багаж. Перед отъездом подвергается тщательному осмотру багаж и пассажиры поприличнее одетые – личному осмотру и конфискации всего, что представляет какую-либо ценность. Забирают под всякими предлогами. У родных забрали брошку, золотую цепочку и много других ценностей на том основании, что были одеты не сверху. "Раз это у Вас под кофтой, значит Вы хотели скрыть от Советской власти, которая должна заботиться не об отдельных личностях, а копить добро в пользу государства. Вот и в пользу государства и пойдут Ваши ценности". Этими словами закончил конфискацию всех ценностей красноармеец железнодорожного батальона, видно, недавно только прослушавший какую-нибудь в этом духе лекцию и с большим трудом вспоминающий и подбирающий соответствующие слова. В течение нескольких часов я простояла у приходящих поездов в поисках хлеба для родных на дорогу. Мне не удалось его получить по какой бы то ни было цене, приезжающие мешочники боятся тут распродавать, чтобы у них не расхватали, на квартиру идти с ним страшно, так как грабежи очень часты. И вот, простояв несколько часов понапрасну, я наконец нашла лепешки (за состав их не ручаюсь) и с радостью принесла их родным. Вот тут-то я узнала, что кроме 1000 р. керенками у них все ценное отобрано и они уезжают нищими. Такая участь постигла и других: новый костюм, обувь, все мало-мальски ценное конфисковалось немилосердно и слезы со всех сторон орошали перрон.

10 октября

Хлопочу о выдаче вещей моих родных как неправильно конфискованных. Порыскав по двум, трем учреждениям по городу, я направилась снова на вокзал к железнодорожным властям, откуда конфискованные вещи еще никуда не поступали. Для розыска начальника железнодорожного бат[альона] меня направили в общие казармы. Громадное помещение, сплошь уставленное койками, на одной из которых отдыхало начальство. При моем приближении он не изменил своего положения и не пригласил меня сесть. Как далеко у нас зашла простота нравов! Пришлось без приглашения присесть на табуретку и объяснить причину моего посещения. Из-под койки был выдвинут сундучок, закрытый всякого рода замками; порывшись в нем, он мне показал конфискованные вещи моих родных; они были, видимо, лучшие из отобранных в этом эшелоне. Я выслушала длинную лекцию о буржуях, вывозящих добро, нажитое без труда, и т.п. Я пробовала опровергнуть; но он явно сокрушался, что всего конфискованного не хватит даже для самых верных приверженцев Совет[ской] власти. На мой вопрос, смогу ли я получить эти вещи или они будут сданы в пользу государства, я получила ответ, что протокол о конфискации еще не переписан и назвал еще одно учреждение, куда я должна направить свои стопы, но тут же выразил сомнение, получу ли я их: "Вот, мол, если бы попроще – дело другое, а тут и бриллианты, и жемчужина крупная". Пришлось мне так и махнуть рукой, так как, видно, не видать ни мне, ни государству этих ценных вещей!

---

[6] Комитет бедноты – пролетарское управление дома. – Прим. Э.О. Бруцкус.

25 октября

Конечно, это большое горе, что так мало еды. Но это горе почти что общее для всех частных людей – горожан. Как оно ни страшно своими последствиями, оно горе тихое, какое-то комнатное. Сегодня мне пришлось быть в семье, куда несчастье ворвалось сразу. Наш сосед, бывший морской офицер, был летом арестован; тогда были произведены массовые аресты бывших офицеров. В России всегда к арестам относились спокойнее, чем в других странах, – дело привычное во все времена. Жены обыкновенно покорно ходят на свидания, снабжают едой и хлопочут. После убийства Урицкого очередная передача не была принята, и жене сказано, что, видно, куда-то его перевели. Бегала она по целым дням по тюрьмам, но, куда именно его отправили, так и справки не получила, искала всяких связей, но никак не могла найти. Заходила ко мне по соседству узнать, нет ли у нас каких-либо связей. И вот, полная тревог ввиду циркулирующих слухов о массовых расстрелах после смерти Урицкого, жила все-таки надеждой, что узнает, куда его выслали. Но на днях к ним явился знакомый матрос из Кронштадта, где они раньше жили и сообщил со спокойствием, характерным для нынешних времен: "Ваш муж, мол, в море кинут, на следующий день, как убили этого самого Урицкого, всех офицеров расстреляли и в море бросили; чтобы Вы напрасно по тюрьмам не искали, а то век будете искать". Фигура этого офицера, оч[ень] высокого роста с рыжеватой бородой и большими черными глазами, так ярко выделялась, что сомневаться нельзя было. По наведенным справкам в особом отделе – оказалось верным… Горе не поддается описанию. Далекий от политики, занимал какую-то незначительную службу и мечтал о том, как бы уехать куда-нибудь в деревню приготовить яичный порошок в большом количестве, чтобы кормить своих детей. Над изысканием сушки яиц [он] проводил свободное время от службы и хозяйств[енных] обязан[ностей] – и оказался достойным смертной казни.

1919 год

20 января

Вот уже вторую неделю хожу на службу в больницу и работаю по своей специальности, думала своей работой вне дома помочь материально семье. Помощь, конечно, не в жаловании, которое выплачивается всегда с опозданием на 2–3 месяца и тем самым обращается в ничто. Медицинскому персоналу кроме жалованья выдается и паек. Месячная выдача состоит из 30 ф[унтов] хлеба, 4 ф[унтов] крупы, от 3–5 ф[унтов] селедок или соленой рыбы, около 1 ф[унта] жиров и 1 ф[унта] сахару в месяц, иногда еще сушеные фрукты, немного суррогатов кофе или чая. Впрочем, величина пайка часто изменяется – во время эпидемии сыпного тифа, дизентерии и пр. он увеличивается, при падении эпидемии оч[ень] сильно сокращается. Врачи и медиц[инский] персонал привлекаются на службу больше по принуждению; часто происходят регистрации и привлечение на службу. И, действительно, если я часть потраченного времени употреблю на поиски деревенских мешочников и сменяю у них лишнюю или нелишнюю одежу – я в большей выгоде, чем от службы за целый месяц. Работать в больнице можно только amore arfis* так как и из чувства гуманности работа сейчас удовлетворить не может: по зубоврачебн[ому] отд[елению] лечатся бесплатно большей частью нынешние "верхи" – жены матросов, красноармейцев; рабочему и бедному населению, равно как и интеллиг[енции], не до лечения и пломбировки зубов, так что приходится работать бесплатно только для нынешней аристократии. В общем, присматриваясь к населению столицы, видишь, с одной стороны, целый слой подонков общества, муть, выброшенную наверх, которой легко живется, – это охотники до чужого добра; с другой стороны, всю толщу населения, работающего, полуголодного, несчастного, отказывающего себе поневоле в насущных потребностях и живущего всё надеждой на лучшее будущее. Без этой надежды, кажется, жизнь была бы невмоготу!

29 апреля

Белые близко, сообщения нет даже с близлежащими станциями, только для "сильных мира сего" и то с бесконечными разрешениями. Становится в городе душно. Ехать нельзя никуда. Придется всем просидеть в вымирающем от голода городе все лето. У большинства населения все-таки есть связи в деревне и прошлое лето ездили подкормиться в деревню. Подкормившись, можно перенести 2–3 месяца голодовки гораздо легче, а в этом году и этого лишились. Пошли только декреты и декреты. Запечатывают все оставшиеся

*Из любви к искусству (фр.)

квартиры "буржуйские", т.е. всех тех слоев интеллигенции, которая оставила свои кварт[иры], спасая свои семьи от голода. Под страхом смертной казни нельзя ничего вывозить и спасать из квартир самых близких родных. Все будет национализировано. Опыт последних месяцев, когда были расстреляны многие купцы, пытавшиеся вывезти товар из своих магазинов, лишит всех желания дерзнуть на нечто в этом роде. Да, пускай гибнет всё... ведь мы все погибнем... Во время боя, говорят, пропадает страх смерти, у нас наоборот, верно, потому, что это не внезапное, а медленное умирание. Но, в общем, население злобно молчит в своем бессилии. Изредка только прорывается смех сквозь слезы. Мрачные полуголодные лица пассажиров в трамвае с нетерпением ждут, когда тронется трамвай. Везут покойника. Один из пассажиров, покачав головой, тихо промолвил: "Бедняга объелся". Все покатились со смеху.

15 июля

Мы на апогее счастья. Мы получили красноармейский паек. Он лучше даже медицинского. 1/2 ф[унта] хлеба в день и 3–4 ф[унта] сахару в месяц, 5 ф[унтов] селедок или мяса и 5 ф[унтов] крупы в месяц. Кроме красноармейцев его получают в привилегированных учреждениях некоторые служащие... Его стали давать и лекторам в казармах. Если вы не коммунист, вы должны быть перворазрядным профессором по своей специальности, чтобы вас удостоили звания лектора для красноармейцев... Вы получаете красноармейский паек, о котором мечтают многие... Но не всем даже перворазрядным профессорам раздобыть его легко. Если ваша специальность не техническая, сельскохозяйств[енная] или медицинская, то по общественным или юридическим наукам, вы, не будучи коммунистом, не сможете читать, если не захотите кривить душой. По этим специальностям лекции и читаются полуобразованными коммунистами. Раз в неделю выдается пресловутый паек лекторам в Петропавловской крепости. Для входа в крепость – особый пропуск; дожидаетесь и простаиваете в хвостах часами и при полной безответственности приходится часто выслушивать всякого рода издевательства за те блага, которые сыплются на вас из рога изобилия политотдела, заведующего просвещением красноармейцев. Издевательство над интеллигенцией своего рода "bon ton" и практикуется не только политотделом, но и всякими другими учреждениями. Высшее учебное заведение – кооперативный институт был субсидирован обществом оптовых закупок. Служащие этого общества кроме обычного жалования получали паек по дешевой цене в форме разных продуктов и ходких в деревне вещей. Вот по положению каждый самый низший служащий этого общества получает выдачу в четыре-пять раз больше профессоров. Пятнадцатилетняя девушка стоит несколько часов в хвосте рядышком с седовласым профессором – известнейшим историком и получает вчетверо больше, и тут же слышите рассуждения ее по поводу того, что зря-то профессорам и это выдают, ведь они читают только лекции – дело нетрудное, а нам вот служить приходится, т.е. работать. В общем, на всем пространстве Советской России укоренилось мнение, что умственный труд – это забава, но не работа.

25 сентября

Ждут вторичного наступления. Город объят волнениями. Боятся кто голода, кто победы белых, кто поражения красных. Мой муж приглашается читать лекции красноармейцам. Это даст нам в неделю один, а то и 1 1/2 сытных денька. Я даже недовольна, что из-за наступления белых получение пайка откладывается на неопределенное время. Признаюсь, что голод – такой страшный фактор, что по временам я серьезно хотела бы победы красным. Мне думается, что если в столице житницы Европы такой голод, то где же лучше? Но если не так? Тогда, конечно, страстно бы хотелось вырваться из голодного рабства... Но сейчас у всех старания направлены раздобыть что-нибудь для предстоящего времени. На рынке все в таком небольшом количестве и так безумно дорого, что купить невозможно.

25 ноября

Белые отбиты. Жизнь входит в колею. Власти неистовствуют. Декрет за декретом о проведении в исполнение национализации квартир, оставшихся магазинов, с каждым днем все больше запретов свободной торговли и декретов о дарах Сов[етского] Правит[ельства] советским гражданам. На деле, правда, получается из всех этих благ мутная вода столовых или ржавая селедка. Но звучит красиво. Неудачное наступление белых даже в сочувствующ[их] им кругах возбудило неблагожелательство. Стало только хуже. Какие страшные аресты офицеров. Подвоз еще хуже стал, голод больше... Интеллигентных

работников посылают на самые грубые и непривычные работы, не смей отказываться. Ломка всей хозяйственной жизни покамест сказывается только отрицательно. Наш круг сильно бедствует, просто голодает беспрестанно. Несколько преждевременных смертей видных ученых на почве голода. Говорят о помощи ученым – в форме ученого пайка, но пока очень тяжело: $^1/_4$ ф[унта] в день, жиров нет совершенно. Если получаешь хлеб или картофель, то в таком небольшом количестве, что не знаешь, как и быть. Младший сын болен воспалением легких, ему необходимо молоко, вот ищешь его целыми часами. Найдешь молочницу, она, придя в дом, долго не решается за что продать свой товар. Нет ли золотых часиков, шелковой юбки? В этом отношении у пригородных крестьян вкусы сразу развились... но в плохую сторону. Мне ни разу не пришлось видать или слышать, чтобы, пользуясь своим видным положением сравнительно с городским населением, кто-нибудь из крестьян, имея возможность дешево детей учить, книжку для детей купил или взял в дом голодного студента в качестве учителя детей. Но зато в каждой избе девушка в праздники обязательно в шелковых чулках, с шелковыми шарфами, в белых туфлях. Сколько издевательств над горожанами! В буквальном смысле слова приходится часами ловить на улице молочницу, чтобы получить стакан молока для больного ребенка. Врач и то удивляется, другие и этого достать никак не могут. ⟨...⟩.

1920 год

Февраль

Слух о пайке для ученых оправдался. Сегодня впервые получили ученый паек. Он состоит из 15 ф[унтов] крупы, 45 ф[унтов] хлеба, 15 ф[унтов] селедок или мяса и немного мыла и 4 ф[унта] жиров в месяц. Какое необыкновенное счастье! У нас в красноармейском пайке 3 ф[унта] хлеба в день и с чаем по карточкам выдают 4 ф[унта] в день. У меня даже голова кругом идет. Масла или жиров – 4 ф[унта] в месяц – это за 1 $^1/_2$ года впервые такая высокая норма. Значит, все, что раздобуду выше пайка пойдет на усиленное питание. На радостях устроила сытный обед, т.е. хлеба было вдоволь и каши с маслом. Вместо крупы нам выдали немолотую рожь. Поевши этой крупы, жена молодого ученого П. скончалась в прошлую ночь от заворота кишок. Ну, конечно, надо дать смолоть. Это несчастный случай. Какая благодать этот ученый паек" 4 ф[унта] хлопкового масла выдали вместо коровьего! Какое оно вкусное! Не всем это счастье достается! Вчера в трамвае какой-то инженер злобно говорил об этом пайке. Если всем нет возможности давать, пускай никого не кормят! Homo homini lupus est, в особенности, когда все голодны, как lupus.[7]

25 февраля

Вчера совершила путешествие в Усть-Ижору – $^1/_2$ часа езды по Никол[аевской] жел[езной] дор[оге]. Мой муж читает красноарм[ейцам] лекции. Он "мобилизован" по сельскому хозяйству. Сообщение о предстоящей его лекции получается на 1 ч. или 2 ч. до отхода поезда; ему приходится читать в красноармейских клубах в окрестностях Петрограда. Так как в Усть-Ижоре – немецкие колонии, вероятно, за соль или табак (это те блага, к которым никто из крестьян не может равнодушно отнестись) я надеялась получить несколько бутылок молока. Захватив "товар" и посуду для молока, я решила поехать с мужем. Почти два года я не ездила по железной дороге. Я не верила рассказам о танталовых муках путешествий. Получив разрешение на выезд туда и обратно со всякими штемпелями политотдела и удостоверения личностей и предъявив таковые, мы получили у кассы билеты за 15 м[инут] до отхода поезда и, выйдя на перрон, я была поражена, что запружены все площадки, буфера; в вагоне стояли плечо к плечу, войти было невозможно. Помяв сильно свои бока, просьбами, окриками при раздающейся со всех сторон ругани мы втолкнулись кое-как на площадку, дальше [и] мечтать было нельзя. Меня беспокоила мысль, как мы сойдем, поезд стоит всего 1–2 минуты. Все едущие отправлялись за картофелем кто 5, кто 10, кто 80 верст от железнодорожной станции. Прежний вагон картофеля, нагруженный на какой-нибудь станции, теперь привозится по крайней мере [с] тысячью людей. Да еще какая колоссальная затрата сил этими людьми для доставки пешком до станции. ⟨...⟩ Поезд прибыл. Как мы ни проталкивались на 20 минут раньше, нам так и не удалось сойти на остановке. Пришлось спрыгнуть уже на ходу, я бросила все

---

[7] "Человек человеку волк" (*лат.*)

свои пакеты и спрыгнула уже на полном ходу. Все обошлось благополучно, пакеты остались под поездом на полотне, я – при жизни. До красноармейского клуба 4 версты, обеща[нная] лошадь не прибыла; мороз 20 градусов, пришлось пойти пешком. Разыскав после долгих странствований этот самый клуб, муж направился к командиру [и] выразил свое удивление по поводу отсутствия лошади: "Ребята танцевали", мы и про лекцию забыли. Танцульки в большом почете и даже во время самых грозных моментов наступления танцульки были в полном ходу. Узнав, что предстоит лекция, красноармейцы в большинстве покидали клуб, сопровождая своих дам, и только небольшая толика оставалась слушать лекцию. Предмет лекции – популярные сведения практического характера о животном и сельском хозяйстве заинтересовал красноармейцев и они слушали с большим вниманием; в общем, чем ближе лекция подходит по теме к крестьянской жизни, тем она имеет больший успех; некоторым успехом пользуются популярные лекции по химии. На одной из лекций по химии объяснение лектора было прервано любопытным красноармейцем: "Да все ты не дело говоришь, а вот скажи нам толком, как из денатурата спирт получать". Такую аудиторию, понятно, начинить довольно легко и всякой политической дребеденью при ярких лозунгах. Жизнь берет свое, но без критического ума опыт дорого оплачивается. ⟨...⟩ Краском обещал дать нам комнату удобную на двоих, так как поезда пришлось дожидаться до утра. Боже мой, что это были за палаты; длина – в длину койки, ширина поменьше, стены – настоящий клоповник – аллеи насекомых всех видов пересекали стену по всем направлениям; я решила простоять в этой конуре всю ночь. Краском любезно предложил нас накормить: красноармеец немедленно принес котелок с ячневой крупой и деревянные ложки, толстым слоем облепленные крупой, капустой и другими яствами в виде толстой скорлупы. Мы оба были страшно голодны, но мне, несмотря на голод, посуда вызывала такое отвращение, что я наотрез отказалась от пищи. Мой муж раздобыл металлическую ложку и из середки набирал крупу. Нам предстояла еще обратная поездка. ⟨...⟩ Поезд набит, висят на буферах, на лестнице стоят мешки с картофелем – не пробраться. У меня не хватило смелости попытаться попасть на этот поезд. Прождали несколько часов. Следующий поезд не лучше. Мы вошли на первую ступеньку и, вися в воздухе, держась только одной рукой, двинулись в путь. Рука мерзнет, в каком-то оцепенении от страха, что свалимся ежеминутно, мы проехали полчаса. Я ничего не помню, но, говорят, что я все время неистово кричала. На следующей станции я только вошла на площадку, пришла в себя и стала разыскивать брошенные туда вещи. Когда я твердой ногой стала на площадку, облокотилась на картофельный мешок, я ощутила такое блаженство, какого, кажется, в жизни никогда не испытывала. Блаженство жизнерадостной натуры, вырванной из когтей смерти...

12 марта

Чудовищные условия жизни Сов[етской] России коснулись и мертвых. Нет сообщений о смерти, никто почти не сопровождает похорон, покойника вывозят свои близкие на саночках в наскоро сколоченном гробу из белых досок. Узнав вчера о смерти близкой знакомой, мы с утра поспешили на вынос [тела] из больницы. Выйдя на улицу, мы узнали, что сегодня трамваи не пойдут, нет подвоза топлива к электрической станции, значит приходится идти пешком. Мороз трескучий, не сразу и перейдешь улицу, сугробы, кучи снегу – мы опоздали на 1 $^1/_2$ часа, то же произошло и с другими знакомыми, и гроб повезли только 2–3 близких лица. В других случаях о смерти близких людей узнаешь и спустя несколько месяцев, газетных сообщений нет, телеф[оны] тоже никогда не действуют, общения мало из-за голодной жизни и отсутствия сообщения.

15 апреля

Рынки закрываются. Люди лишаются последней возможности выручить что-нибудь за свои пожитки и купить что-нибудь съестное. Облавы производились часто и наводили панический страх. Внезапно рынок окружала рота солдат и всех находящихся на рынке везли в комиссариат. Там у всех происходил пересмотр всех документов и продаваемых вещей, вещи более дорогие, как-то обувь, ценные вещи – обыкновенно конфисковались бесповоротно. Спекуляцией, мол, занимаетесь – торгуете не по закону. Сколько горя и слез приносили эти облавы. ⟨...⟩ Если продавались вещи – они, собственно, продавались даром, так как чем больше подымались цены на продукты и падали деньги, тем вещи становились

дешевле, кроме вещей первой необходимости, как-то теплой одежи и обуви. За стоимость нескольких фунтов хлеба или картофеля можно было купить изящные и дорогие вещи – теперь никому не нужные. Нужны были только съестные продукты. Маленькая горсточка людей, присосавшаяся к обществен[ному] пирогу и имевшая возможность обращать в вещи свои излишки продуктов, делала на голоде прекрасные дела.

20 июля

Мне пришлось пролежать 2 месяца в больнице. Условия операции ужасны. Эфир, спирт и йод пришлось мне самой доставать с большим трудом – нигде в больнице этих медикаментов не имелось. Перед операцией в лучшей петроградской больнице, какой считалась Александровская немецкая, нельзя было сделать больному ванны. При операциях пришлось обходиться без резиновых перчаток, ибо таковых не было. Притом надо заметить, что врачи независимо от своей профессии, должны были отбывать всякие посторонние работы во вред этой последней. Врач, лучший ассистент должен отказаться от интереснейшей и [нрзб.] операции, так как у него обязательные часы работы на огороде, если он не доработает этих нескольких часов, у него пропадает вся выдача за целый месяц, и тут никакие уважительные причины не принимаются во внимание: всюду администрация продовольственных учреждений неумолимо и зорко следит за всеми упущениями, влекущими за собой конфискацию выдачи в пользу ее же. 〈...〉

5 августа

Неделю уже живу на даче в деревне Батово, в пяти верстах от Сиверской. По соседству здесь и другие деревни. Все эти места заняты были белыми, и живо сохранились воспоминания о их пребывании. Население относится к белым отрицательно. За свое короткое пребывание вследствие усиленной реквизиции продуктов, а главное лошадей, они восстановили против себя местное население. Пригородное население, сплавляющее излишек своих молочных продуктов и картофеля в Петроград и сбывающее его по неимоверным ценам, относится к советской власти снисходительнее, тем более что здесь население одновременно находится и на городском фабричном пайке, так что, в общем, сравнительно с городским населением ему живется хорошо. В оппозиции находятся богатые крестьяне, у которых норовят убрать все излишки; они скрывают друг от друга, так как идут доносы, вымогательства, с одной стороны, и укрывательства – с другой. Добыть что-нибудь здесь неимоверно трудно. Здесь идет слежка за всякой избой. Вы входите в избу или к вам пришли, непременно подглядывают все соседи, что вы купили. "Вот, мол, на сторону буржуям молоко продает, а нам не даете", – озлобляется рабочий-коммунист, он же крестьянин, живущий на хорошем фабричном пайке, имеющий вдоволь овощей, словом, сыто живущий. Крестьянин, продающий излишки молока или картофеля или хлеба, прекрасно учитывает ваше положение и меняет продукты только на соль или на ткани. Между тем стоит неимоверных усилий достать эту соль или ткань ввиду того, что негде и в городе купить. И вот часто мне приходится получать хлеб и другие продукты из города; от станции пять верст пешком приходится на спине тащить. Когда и из города привезти не удается, отправляют на мельницу и там приходится простаивать часами, пока кто-нибудь из крестьян, везущий возы хлеба, не променяет несколько фунтов муки на табак и махорку. Притом, если рядом с ним баба, едва ли удастся променять; если крестьянин один – мена состоится... Если удастся раздобыть таким образом 10–15 ф[унтов] муки и ежедневно еще получаешь 2–3 бутылки молока, что больше и мечтать ни о чем [не] приходится. Верх счастья и блаженства.

25 сентября

Несколько дней я уже в городе. Всюду говорят о яблоках. В этом году громадный урожай яблок. Их отбирают и все яблоки раздают по учреждениям и кооперативам в большом количестве. Недаром кто-то сострил: "У нас сейчас настоящий рай – едим яблоки и ходим голые". Но в нашем раю достать что-либо далеко нелегко. Хлеб – в центре всей жизни и 1 $^{1}/_{2}$ ф[унта] хлеба в день считается хорошей платой. За высококвалифицированный труд ученые считают большим счастьем получить чтение лекций за небольшое вознаграждение продуктами. За экстренную 5-дневную поездку в провинцию для чтения лекций получен паек за несколько дней и по недорогой цене кожа на подошву. Но выгода поездки состояла в том, что после неимоверных утомительных поисков удалось

сменять ситец, табак, мыло и пр. на несколько фунтов масла. Продналог с каждой коровы 10 бут[ылок] молока в неделю или фунт масла; при плохом состоянии скота масло в продаже стало большой редкостью и собираемый "масляный налог" попадает только к "верхам". Полное прекращение рынков создало неимоверные трудности. В буквальном смысле слова приходится обходить квартиры и искать продукты, не продаст ли кто-нибудь своего излишка. Натыкаешься поминутно на грубость, ругань, брань; на улицах продажи нет – так что поневоле приходится бродить по всем закоулкам, грязным лестницам. Часто после нескольких часов таких приятных поисков приходишь ни с чем. Время и силы пропадают даром.

1921 год

2 января

В серой, архибудничной жизни, где хлеб, крупа и бревно составляют весь горизонт, с нетерпением ждешь праздничных дней; они хоть будят приятные воспоминания прежних лет, да, если удается побывать в большом обществе, минутами всецело переносишься в прошлое. 31-го декабря нам пришлось встретить Н[овый] г[од] в одном из высших учебных заведений в большой интеллигентной компании. Речей почти и не было. Слабое концертное отделение и присутствие молодежи и осколков прежнего интеллигентного общества обдало нас освежительной струей. Но ненадолго. Сели за ужин. Перманентного голода он утолить не мог. Немного пшенной крупы, соленые грибы и чай с конфеткой притом немного белого хлеба – вот новогодняя встреча. Хоть и голодно, но и не хочется расходиться домой... Загадываешь вперед. Что же это будет в следующем году? Тот же голод, даже при урожае, слышится со всех сторон крестьянин лишней вспашки не сделает, пока ему не дадут свободно распоряжаться своим хлебом. Несчастные наши вымирающие города! Они стали жертвой фанатической теории.

15 января

Ученые получают еженедельный паек. Кроме того, при доме ученых есть кооператив. Изредка на долю ученых по дешевой цене выпадают те или другие продукты. Кроме ученых получаемые продукты выдаются многим служащим разных учреждений. Очереди неимоверные. Больше месяца в пайке нет жиров, но кооператив выдает по фунту сыра или шпику, или коробке разных консервов. Все стали в очередь, мерзнут на дворе по нескольку часов в надежде получить фунт пресловутого шпику. Но многих надежда обманывает и, промерзнув несколько часов, получает сыр. Для сытого обывателя это безразлично, вкусно то и другое, но для голодного жир незаменим, и с глубокой грустью рассказывает всероссийский ученый пожилых лет о своем горе – замене шпика консервами. Уже больше месяца в семье не было ни фунта жиров – это не шутка. Черный грубый хлеб, хлебное кофе без молока и часто с сахарином вместо сахару, изредка селедка – все это в недостаточном количестве изо дня в день при привычной умственной работе, при тяжелом психическом настроении, не оставляющем нас всех все эти годы изо дня в день, – подрывают наши силы и быстрым темпом надвигают старость. Сообщение плохое, телефоны прекратили окончательно свое существование. Они переданы только учреждениям и ответствен[ным] советским служащим. Порываются последние связи культурной жизни, люди редко видятся и все уходят в свои "берлоги" сосать несчастный свой паек. Да так мало внешних впечатлений, такая мертвечина, что и видеть никого нет охоты. Желанные зато гости в любой семье – приезжие из деревни мешочники, обменивающие свои продукты на вещи. ⟨...⟩ С другой стороны, тысячи горожан едут ⟨...⟩ часто в самые отдаленные губернии. Правда, не всегда привозят продукты, часто гибнут от сыпного тифа, схваченного в пути, бывали случаи грабежа и убийств. Так что дорого обходится жителям Советской России отсутствие торговли и правильного денежного хозяйства. Вся страна представляет собой разлагающий[ся] организм, в котором прекратился правильный обмен веществ.

24 февраля

В 3 часа нас разбудили. Ворвались в квартиру свыше десятка красноармейцев с обыском. Раскрывали все шкафы, сундуки, корзины. Искали продуктов, в общем, осмотр всего. Нашли 10 ф[унтов] крупы, $^1/_2$ пуда ржаной муки, пошли бесконечные расспросы, откуда в таком изобилии продукты. Порывшись в сундуках, нашли 3 аршина сукна серого цвета на костюм. "Нам не во что красноармейцев одевать, а вот у вас сукно лежит". В соседней

квартире у спящей под двумя одеялами немедленно одно забрали тоже для красноармейцев. Обыск, оказывается, был вызван тем, что наш дом не принял случайно участия в сборах для Красной армии. Время ужасно тревожное, а тут нигде ничего достать нельзя. Поезда ходят нерегулярно. Народ собирается на улицах, идут разговоры на политические темы и злобы дня. Ходят слухи о предстоящем восстании.

2 марта

Восстание в Кронштадте. Петроград охвачен ужасом и тревогой, надеждой и мечтами о лучшем будущем. Грохот пушек гулко раздается. Улицы днем пустынны, вечером совершенно мертвы. Настоящее положение никому неизвестно, скрещивание слухов прямо противоположных. Одно только ясно, что если дело затянется, грозит городу полная голодовка. Нет никакого подвоза.

22 марта

Судьба решена. Кронштадт сдался. Луч надежды погас. Сколько несчастных жертв, сколько горя и страдания. Ходят слухи о многочисленных расстрелах восставших. Возврат всецело к прежнему как будто невозможен. Вынесены резолюции. Из всех требуемых свобод осуществляется, по-видимому, только свобода торговли. Задыхающемуся дают каплю кислорода. Начнут выдавать хлеб после большого перерыва. ⟨...⟩

2 мая

Пришлось и мне поторговать на рынке. Продаю скатерти, портьеры и разные домашние вещи, табак и лавровый лист. Откуда-то прислали лавровый лист для ученых, хотя приправлять-то им нечего. Свобода торговли, оказывается, только для профессион[альных] торговцев, на остальных же происходят на рынке облавы. Рынок оцепляется красноармейцами, проверка документов и тут наш брат попадается... Гонят в комиссариат, вещи отбирают и часто посидеть приходится за "спекуляцию". Власть серпа и молота не может понять, что как ни мало требовательны наши желудки, вещи все-таки несъедобны и нам нужен за них хлеб, картофель. И как неимоверно трудно наторговать на эти несколько фунтов картофеля. Покупательная способность у населения минимальная. На белый хлеб смотрят с нежной любовью, слюнки текут. Глаз видит, а зуб неймет. И, пожалуй, что это еще невыносимее.

30 июня

Устала я страшно от недоедания и нищенской жизни. Рыскаю по городу от знакомых к знакомым в поисках какой-нибудь старой пары обуви для сына. О новой паре и думать нашему брату нельзя. Обувь раздается только коммунистам и матросам. Нищета личная – горе, но если все то же кругом да около, тогда это большое несчастье. Все тонут и некому помочь. В Доме ученых – доклад о голоде. В холодной полуосвещенной зале всходят на кафедру один за другим изможденные, преждевременно состарившиеся ученые и докладывают о страшном голоде. О причинах, приведших страну к неслыханному бедствию, не говорится. В первых рядах – представители власти. Ищут средств помощи. Их в стране нет. Оповестить заграницу и дожидаться помощи. Да, дожидаться спасения от голодной смерти придется и самим взывающим к помощи..

10 сентября

Сегодня впервые мы получили американскую посылку. Целый день мы просто в каком-то оцепенении. Мы не отдаем себе отчета, какое великое счастье мы обрели. Мы будем сыты: вдоволь сахару, жиров, мучных продуктов после нескольких лет тяжелого недоедания и острого голода. Бедный, обретающий несметное богатство, не испытывает столько счастья, сколько голодающий, обретающий спокойствие за сытость завтрашнего дня. Немцы считают большим бедствием, когда приходится жить "от руки в рот". Но ведь тут и рука ничего не подавала. Спасены все те, о ком родные или близкие люди позаботяться. Брешь пробита. Буржуазная далекая Америка подкормит гибнущих с голоду жителей пролетарского рая. "АРА" накормит жертв пятилетних опытов коммунистических правителей; американские деятели воочию увидят счастье Советской России, и весть об этом великом счастье, быть может, спасет другие страны от подобных социальных опытов!